

УДК 811.161.1'373.23

Ходоренко А. В.

ФРОНЕЗИС ИЛИ ЭФФЕКТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ? НАРРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В статье в общих чертах затронуты проблемы современной теории нарративных исследований, предложен материал для практического анализа нарратива с позиций и методов нарративных исследований. Выделены признаки нарратива. Приведены примеры анализа нарратива на примере сравнительной парадигмы англоязычной нарративной единицы и русского перевода.

Ключевые слова: нарратив, нарративные исследования, теория нарратива, единица нарративного дискурса, модальность.

Ходоренко Г. В. Фронезис чи ефективний вислів? Нарративні дослідження: загальні питання. – Стаття.

У статті в загальних рисах порушено проблеми сучасної теорії нарративних досліджень, запропоновано матеріал для практичного аналізу нарративу з позицій і методів нарративних досліджень. Надано особливі риси нарратива. Наведено приклади аналізу нарративу на прикладі порівняльної парадигми англійської нарративної одиниці та російського перекладу.

Ключові слова: нарратив, нарративні дослідження, теорія нарративу, одиниця нарративного дискурсу, модальність.

Khodorenko A. V. Phronesis or effective utterance? Narrative research: general issues. – Article.

The article outlines the problems affected by the modern theory of narrative studies. We suggested linguistic material for practical analysis of the narrative from the perspective of narrative techniques and research. Traits of narrative have been featured. The analysis of English-language narrative and its equivalent Russian translation has been made in the framework of comparative narrative paradigm.

Key words: narrative, narrative research, theory of narrative, unit of narrative discourse, modality.

В статье в общем виде ставится проблема определения нарратива, его характеристик в парадигме современной теории нарративных исследований в лингвистическом аспекте освещения. Материалом для практического анализа нарратива с позиций и методов нарративных исследований выбраны риторические тексты политиков, в частности, предвыборная речь Б. Обамы. Целью статьи является выделение характеристик нарратива в процессе лингвистического анализа нарратива на примере сравнительной парадигмы англоязычной нарративной единицы и русского перевода фактического материала исследования. Задачами для достижения поставленной цели являются уточнение термина и дефиниции нарратива в парадигме современных исследований.

Научный «голод» современной мысли определяет поиск подходов, а также постоянного поиска смысла того, что мы делаем в науке. В статье Д. Солиса «The Crisis of Personhood: Why We Need to Broaden Our View» мы читали о необходимости работы во имя будущего блага. Мысль не нова, но особенностью явилось то, что отличает нашу научную школу от западной (до сих пор еще отличает, на наш взгляд): простота изложения и признание неизбежности недостижения целей, в то же время поиск идей, осознание их ценности для науки и общества в целом [7].

Возможно, этим обоснован «нарративный поворот» в науке, поворот в отношении к действительности, концептуально другой взгляд на реальность, видение себя в реальности. Путь познания предположительно лежит через нарратив – хроникальное автобиографическое повествование, которое мы определяем как единицу эмоциональ-

ного интеллекта, а также как единицу фронезиса [1, 132].

Нарратив и предшествующие теории нарратива течения формировались в разное время и разными научными школами [1–10]. М. Крейсмор в статье «Trusting the Tale: Narrativist Turn in the Human Sciences» утверждает, что нарратив – это сфера кросс-дисциплинарных взаимодействий и медиаций, он собирает воедино все, что имеет отношение к нарративу в самых разных науках (филологии, историографии, психоанализе, философии, экономике и так далее), рассматривает его одновременно как предмет (форму письменного или устного дискурса) и как инструмент познания (например, нарративистское прочтение некоторых философских теорий), описывает сложную конфигурацию нарративного поворота, включающую множество «разнообразных троп» [2]. Современные исследователи спорят о схожести нарратива и психоанализа, однако сходятся в том, что общее заключается в повышенном интересе к человеку, его мыслям о себе, его заключениям о себе, о правильности поступков и о том, что, по их мнению, правильно или неправильно делать, к некоему фронезису Аристотеля, изложенному по-новому.

Метафора «нарративный поворот» близка к лакатосовской идее конкуренции научно-исследовательских программ, поскольку брендинг нового научного направления в качестве «поворота» обеспечивает ему неплохие шансы в том трансцендентальном полемосе, в который волей-неволей втянуто институционально оформленное научное мышление [2].

В. Фишер предложил термин «нарративная парадигма». Он пояснил, что имеет в виду не ту

или иную дисциплинарную парадигму, например, социологическую, а как бы «метaparadигму» как пограничную сферу, в которой встречаются различные гуманитарные науки [3]. Тем самым он нисколько не стремится отрицать существование или желательность существования частных жанров дискурса: «Нарративная парадигма не отрицает полезность осознания различий между макроформами дискурса (философией, риторикой, поэтикой и так далее) или микроформами дискурса (мифами, метафорами, аргументами и так далее)» [6]. В. Фишер перевел понятие парадигмы из плоскости методологии науки в плоскость практической теории коммуникации (в том числе научной) и коммуникативной этики, содержащие к тому же явные антропологические импликации, в плоскость фронезиса, помогающего в итоге принимать правильные решения. Нарративная парадигма, с его точки зрения, основана на так называемой нарративной рациональности, по контрасту с ковенциональной моделью формальной рациональности, которая, как предполагается, должна управлять человеческим общением [6]. Нарративная рациональность, согласно В. Фишеру, включает нарративную вероятность (согласованность и связность истории) и нарративную верность (наличие в рассказе *good reasons* для доверия к нему, то есть «веских причин» или «достаточных оснований»). Эти фишеровские неформально-логические характеристики нарратива можно смело добавлять к многочисленным дискуссиям о критериях нарратива, которые ведут представители классической нарратологии [2].

Эпистемологические основания нарративизма и научная интуиция подталкивают к исследованию той сферы коммуникативного материала, о которой говорит В. Фишер, – практической теории коммуникации (в том числе научной) и коммуникативной этики, содержащих антропологические импликации, плоскость фронезиса, помогающего принимать правильные решения.

В медицине, социологии или исторической науке личная история (рассказ о самом себе), а также признание смысла нарратива как рассказа о себе – это не только живая история, не только гуманистический путь к *public history*, например, но и особая этика, опыт выслушивания частного лица, затерянного на безличных исторических просторах, это способ, каким такое частное лицо может быть узнано, признано, найдено [3].

Мы взяли единицу нарративного дискурса и сделали его лингвистический анализ с точки зрения использования в нем нарративных элементов, говоря проще – единиц модальности, делающих из нейтрального текста нарратив, тем самым отличая его.

По нашим предположениям, нарратив – это всегда коммуникативно успешное риторическое

языковое целое, с наличием рема-тематических отношений, новизны, эмоциональной насыщенности, наличием единиц А-экспрессии, а также высоких показателей психолингвистических коэффициентов. Такие образования должны демонстрировать ярко выраженный эмоциональный интеллект – «способность человека осознавать эмоции, достигать и генерировать их так, чтобы содействовать мышлению, пониманию эмоций и того, что они означают, и, соответственно, управлять ими таким образом» [5].

Для анализа мы приводим речь Б. Обамы (*Democratic National Convention, 2004 г.*) и ее перевод:

«My parents shared not only an improbable love; they shared an abiding faith in the possibilities of this nation. They would give me an African name, Barack, or «blessed», believing that in a tolerant America your name is no barrier to success. They imagined me going to the best schools in the land, even though they weren't rich, because in a generous America you don't have to be rich to achieve your potential. They are both passed away now. Yet, I know that, on this night, they look down on me with pride». – «Мои родители не только невероятно любили друг друга; они твердо верили в возможности этой страны. Они дали мне африканское имя Барак, или «Благословенный», полагая, что в толерантной Америке имя не является препятствием к успеху. Не будучи богатыми, они хотели, чтобы я учился в одной из лучших школ в стране, потому что верили в то, что в щедрой Америке не нужно быть богатым, чтобы реализовать себя. Их уже нет в живых, тем не менее, я знаю, что в эту ночь они смотрят на меня с гордостью».

Приведем выделенные нами четыре признака, характеризующие нарратив:

1) событийность, выраженная глагольными формами простого прошедшего *shared imagined weren't rich*, а также формы *would* с инфинитивом в значении выражения действия в прошлом *would give me an African name*. Отметим, что такая форма носит модальность, интенсифицируя значение сказанного, реализуя при этом потенциал претерито-презентного глагола *will-would*, в значения которого входят семантические дериваты волеизъявления, воли, желания и его реализации;

2) завершенность, темпоральность (историйность), проявленная в автобиографическом отрезке детских воспоминаний;

3) хронологическая последовательность истории, причинно-следственная связь событий: *мои родители невероятно любили друг друга; они твердо верили в возможности этой страны; дали мне африканское имя Барак, или «Благословенный»; не будучи богатыми, они хотели, чтобы я учился в одной из лучших школ в стране, потому что верили;*

4) реализация функции установления причинно-следственной связи, коммуникативный «мост», «итог» вышеизложенного: «Их уже нет в живых, тем не менее, я знаю, что в эту ночь они смотрят на меня с гордостью».

Эпоха массового тиражирования визуальных образов, абсолютной демократизации их производства и потребления, их влияния на самые разные сферы индивидуальной жизни похоже на невероятную демократизацию нарративов, заполнение повседневного культурного контента, прежде всего медийного, индивидуальными повествованиями, в том числе бесчисленными автонарративами [2]. Нарративный разум, о котором еще в 1955 г. в работе «История как система» Х. Ортега-и-Гассет писал как о разуме, наиболее адекватном гуманитарным наукам, поскольку они заняты постижением изменчивого и свободного человеческого существования, в нынешнюю эпоху, в эпоху после распада больших нарративов, превратился в безразмерную и неконтролируемую массу микронарративов, пролиферация которых идет тем быстрее, чем больше появляется для этих целей подручных, технических средств. Термин Ж. Бодрийера «экстаз рассказа» функционально определяет компоненты нарратива, а именно «Narrago, ergo sum» («Повествую, следовательно, являюсь»), а также нарративную

интенсивность, при которой «тебя хотят слушать» [3].

Таким образом, в нарративе в лингвистическом аспекте его анализа выделены рема-тематические отношения, новизна идеи, эмоциональная насыщенность, наличие единиц А-экспрессии, высокие показатели психолингвистических коэффициентов, предположительно демонстрирующие эмоциональный интеллект языковой личности, способность человека осознавать эмоции, генерировать их для *содействия* мышлению, в языковой нарратив – фронезис. Последний, определенный изначально как суждения, способствующие действию по поводу ценностей и сущностей вещей, некий «экстаз рассказа», современный нарратив, в нашей экспликации приобретает характеристики эффективного высказывания, в котором единицы модальности демонстрируют в этом контексте особую важность для поддержания интереса слушающего в процессе познания через «нарративный поворот» в науке, поворот в отношении к действительности, новый взгляд на реальность через видение себя в реальности. Перспективой исследований является анализ языкового пути познания через нарратив – хроникальное автобиографическое повествование, единицу эмоционального интеллекта, единицу фронезиса, а также уточнение составляющих термина и дефиниции нарратива.

Литература

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Наука, 1976–1983. – Т. 2. – 1978. – 524 с.
2. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума / В.Л. Лехциер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.culturalnet.ru/main/person/830>.
3. Лехциер В.Л. Экстаз рассказа: о судьбах повествований до и после иконического поворота / В.Л. Лехциер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/117/ekstaz-rasskaza-osudbakh-povestvovanii-do-i-posle-ikonicheskogo-povorota20>.
4. Dijk T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T.A. van Dijk. – Hague : Springer, 1981. – 331 p.
5. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ / D. Goleman. – Hague : Springer, 1996. – 129 p.
6. Fisher W.R. The Narrative Paradigm: An elaboration / W.R. Fisher. – Hague : Springer, 1985. – 350 p.
7. Solies D. The Crisis of Personhood: Why We Need to Broaden Our View / D. Solies [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vimeo.com/metanexus>.
8. Taine H. Formation de sa pensée / H. Taine. – Paris, 1932. – 305 p.
9. Verschueren J. Metapragmatics and universals of linguistic action / J. Verschueren // Linguistic action: Some empirical-conceptual studies / ed. by J. Verschueren. – Norwood, 1987. – P. 125–140.
10. Way E.C. Knowledge representation and metaphor / E.C. Way. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1991. – 350 p.